Десанка МАКСИМОВИЧ

ПРОВИНЦИАЛЫ

В детстве
мы не видели
ни зверинца, ни ботанического сада,
никогда не любовались жёлтыми мимозами,
не слыхали о попугаях, –
козы и овцы окружали нас,
лилии цвели на озёрах,
на полях волновались моря пшеницы.

Какие музеи?
Если мы что-то видели,
то всего лишь иконы святого Саввы
и любительскую мазню герцеговинских ребят.
Что же до статуй, они не могли нам даже
присниться,
потому что кладбища наши были простыми.

До самой юности,
до совершеннолетия
мы не бывали ни в каких столицах
и знали о мире только то,
что в нём родились.

И всё равно,
не зная языков, политики, книг,
не представляя, что там лежит за следующим
поворотом дороги,
никому не известные, ни с кем не знакомые,
именно мы меняли судьбы империй,
потому что провинция всегда поставляет
миру
именно нас –
думающих и мечтающих.

Андрей ГЕРМАНОВ

* * *

Ты, незнакомец,
сидящий сейчас на скале над вечным Тырново,
не удивляйся, почувствовав рядом
незримое присутствие,
тайное движение.

Это я.

Уже целую вечность я лежу
поверх белых камней и колючих трав,
раскинув руки под белыми облаками заката
поздней весной одна тысяча девятьсот
семьдесят шестого года,
в день моего сорокачетырёхлетия.

Я не один.
На расстоянии прыжка цикады
сидит тоненькая девочка.
Согнув колени, опершись на них подбородком,
она карими задумчивыми глазами
разглядывает лежащий внизу город.

Вся чистота.
Вся прелесть.
Вся моя.
Вся – из другого мира.

Мы молчим,
нам достаточно одного взгляда,
чтобы понять тёмную невозможность,
бездну долга, тоску предрассудков,
необратимость лет, протекающих меж нами…

Опускаются сумерки,
и мы медленно спускаемся вниз, –
в беспредельность ночного Космоса.
Но, оборачиваясь, я вижу
смятую траву и наши тени, оставшиеся на склоне.

Вени, види, вици.
Вени, види, но не вици.

Нет меня давно.
Но что с той девочкой?
Что с нею? Легко ли ей?
Встретила ли она своего человека?
Незнакомец, шепни мне,
видны ли ещё на склоне горы наши смутные тени?

Ведь, если всё было по-настоящему,
они должны там остаться.

Внимательнее всмотрись,
ты должен увидеть:
девочка тоненькая и смуглая,
она сидит, согнув колени, опираясь на них подбородком,
и карими задумчивыми глазами
внимательно смотрит вниз
на прекрасный
и вечный город.

Давид ОВАДИЯ

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Моя первая любовь –
смущающаяся девчонка,
с чёрной длинной косой,
с нежными мечтательными глазами.

Каждое утро
я спешил в школу,
преисполненный великой радости
от того, что где-то у «Джумаята»,
или у «Халите», или у аптеки «Марица»
непременно встречу свою любовь.

Она была застенчива.
С простенькой сумкой в руке
торопливо бежала в школу, перепрыгивая через рытвины,
и никогда не смотрела по сторонам.
На уроках алгебры и даже истории, которые мне нравились,
я не столько решал задачи или запоминал даты,
сколько неумело рисовал в тетрадке
её чудесное смущающееся лицо.

Каждое утро
я почти решался
остановить её, пригласить в кино,
но все откладывал, откладывал, откладывал,
пока однажды она не исчезла
и уже никогда больше не появлялась
ни у «Джумаята», ни у «Халите»,
ни у аптеки «Марица».

И только через много лет я узнал,
что она была одной из самых опытных
и страшных агентов полицейского управления
и не раз раскрывала самые тайные ученические кружки.

Какой странный союз красоты и жестокости!
Мой бедный ограниченный ум не в силах представить,
как она могла обнимать своего любимого,
шептать ему: «Милый»,
после того как совсем недавно её чудесные небесные кулачки
проходились по лицам её же сверстниц.
Ведь она не могла не видеть,
что по их лицам течёт
самая настоящая
липкая
кровь.

Иван ЦАНЕВ

ПЧЕЛА

Вбирает мир твоё жужжанье, когда ты
медленно взлетаешь
к цветку – мохнатый рыжий слиток, пыльца,
прилипшая к губам.
Соединяю звук и образ, тянусь к немеркнущим
вещам,
а ты, не думая о счастье, цветок душистый
выбираешь.

Привязанная нежной нитью, не можешь взять
и улететь.
Мой взгляд пустить тебя не может. С цветка
к цветку, как по ступеням
взбираешься, то пропадая в густой
колышущейся тени,
то останавливаясь, чтобы жужжаньем
праздник свой воспеть.

А может, это жадность – прятать весь
урожай в свой тесный улей?
нет, знаю, пиршество – не праздник, оно –
великая работа.
Трудись, мохнатая сестрица, пускай ведёт
тебя забота,
лети над жёлтыми цветами, как солнцем
пущенная пуля.

Дыханье мёда, боль усилий – ты б всё мне
сразу отдала,
сестра усердия, ты знаешь, как достигают
перевала.
Но только потянусь погладить, как ты в меня
вонзаешь жало,
и это как начало песни, о падающая пчела!